зала ~~18~~ 20
шкафъ 59
полка 1
№ 202

ПРОЦЕССЪ УСВОЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА

АЛТАЙСКИМИ ИНОРОДЦАМИ [1]).

Ваше Высокопреосвященство,

Ваше Преосвященство,

и Милостивые Государи!

Изъ книги, предложенной нынѣ Вашему благосклонному вниманію, Вы можете, между прочимъ, усмотрѣть, какъ шла и идетъ миссіонерская работа на Алтаѣ, какъ проповѣдники убѣждаютъ язычниковъ предпочесть христіанство прежнимъ отеческимъ ихъ вѣрованіямъ, какія возраженія представляютъ язычники, какъ, наконецъ, миссіонеры, крестивъ инородца, заботятся о его судьбѣ, о просвѣщеніи,—словомъ о благѣ инородца душевномъ и тѣлесномъ.

Но, по прочтеніи всего этого, невольно у всякаго возникнутъ вопросы:—да выработывается-ли изъ инородца *христіанинъ* послѣ всѣхъ, потраченныхъ на него миссіонерами, трудовъ, убѣжденій, не малыхъ жертвъ и пособій;—совершается-ли въ душѣ инородца внутренній какой-либо переворотъ, заставляющій его сознательно быть христіаниномъ;—какъ онъ самъ понимаетъ христіанство и что въ немъ находитъ?....

---

[1]) Рѣчь предъ защитой диссертаціи подъ заглавіемъ:—„*Миссіонеръ Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій*“. Казань, 1898 г.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

Въ бытность свою на Алтаѣ въ 1895 году, я обращался съ такими разспросами ко всѣмъ миссіонерамъ, спрашивалъ и самихъ новокрещеныхъ, особенно отличающихся усердіемъ къ церкви и къ пропагандѣ христіанства между своими язычествующими сородичами. Двое опытнѣйшихъ миссіонеровъ отвѣтили мнѣ на мои вопросы письменно-цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ своей миссіонерской практики. На основаніи собранныхъ нами свѣдѣній процессъ усвоенія христіанства алтайскими инородцами можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ. Будемъ имѣть въ виду, конечно, лучшую, размышляющую часть инородцевъ.

— Вотъ, послѣ нѣсколькихъ проповѣдей и бесѣдъ, наконецъ запали въ душу язычника слова благовѣстія. Въ мысляхъ его начинаатся броженіе и съ виду онъ становится задумчивымъ. Отнестись критически къ прежнимъ своимъ вѣрованіямъ и къ словамъ миссіонера, разсудить—какое вѣроученіе истинно,—онъ *не можетъ*, такъ какъ умственный кругозоръ его слишкомъ малъ, а *у многихъ*, по замѣчанію архимандрита Макарія, *способность размышленія* находится *какъ бы въ оцѣпенѣніи* [1]). У него есть только одинъ единственный критерій для сравненія вѣръ—это наблюдаемые факты. И вотъ онъ видитъ, что христіанская вѣра содержится въ Божественныхъ книгахъ, по которымъ можно волю Божію знать и съ Богомъ бесѣдовать, а для молитвы есть благолѣпные Божіи храмы;—самая молитва и все вообще Богослуженіе не требуютъ кровавыхъ жертвъ и экономическаго раззоренія. Ничего подобнаго нѣтъ у язычниковъ-алтайцевъ, вѣра которыхъ держится однимъ преданіемъ, мѣстомъ молитвы служитъ юрта, а служеніе богамъ сопровождается большею частію совершеннымъ раззореніемъ отъ множества приносимыхъ кровавыхъ жертвъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что многіе христіане грамотны, знаютъ царскіе законы и умѣютъ

---

[1]) Полныя записки архимандрита Макарія Глухарева (рукопись), оборотъ 123 л.

писать прошенія, что считается, по алтайски, признакомъ самаго высшаго образованія.—И этого нѣтъ у алтайцевъ, языкъ которыхъ не имѣетъ грамоты. Наблюдаетъ онъ, затѣмъ, у христіанъ и лучшее общественное устройство, и болѣе обезпеченное хозяйство, и достатокъ во всемъ, и даже комфортъ.

Но на ряду съ этимъ язычникъ не можетъ не видѣть, что христіане же надуваютъ его при торговлѣ, спаиваютъ водкой, дозволяютъ себѣ всякія притѣсненія надъ беззащитнымъ человѣкомъ. Невольно у язычника зарождается вопросъ, да не все-ли равно держаться той или другой вѣры, правда-ли, что одна вѣра дѣлаетъ человѣка лучшимъ и, слѣдовательно, болѣе угоднымъ Богу, а другая нѣтъ? Не одна-ли участь постигнетъ и крещеныхъ, и некрещеныхъ? И не рѣдкость слышать на Алтаѣ такія рѣчи: „всѣ люди имѣютъ одного Бога, вѣдь только вѣра разная; я думаю, что и въ своей вѣрѣ, если я буду дѣлать добро,—будетъ для меня полезно; а если будь я хоть и крещеный, да дѣлай худо, то хуже будетъ, чѣмъ некрещеному“ [1]).

Волнуемый такими мыслями и такъ резонируя, инородецъ можетъ быть и совсѣмъ не крестился бы, не смотря на всѣ доказательства и убѣжденія миссіонера, если бы этому послѣднему не содѣйствовала явная благодать Божія. И дѣйствительно, часто бываютъ примѣры, что многіе язычники сто разъ слышатъ на своемъ родномъ языкѣ христіанскую проповѣдь, часто бесѣдуютъ съ миссіонеромъ, и всетаки.... умираютъ некрещеными. Мало того, — въ дневникахъ вѣропроповѣдниковъ можно встрѣтить не мало сообщеній о томъ, что язычники, которымъ проповѣдникъ до очевидности разъяснилъ нелѣпость ихъ вѣрованій и разоблачилъ обманъ и шарлатанство ихъ *камовъ* (шамановъ), смѣются надъ своей вѣрой и ея представителями. Но

---

[1]) Отчетъ объ Алтайской духовной миссіи за 1887 г., приложеніе 5, стр. 19.

далѣе мы читаемъ въ тѣхъ же дневникахъ, что именно смѣющіеся-то и не соглашаются принять христіанство. *Видѣть ложь и даже смѣятся надъ ложью еще далеко отъ того, чтобы любить истину*", воскликнулъ послѣ подобной же бесѣды приснопамятный о. Макарій [1]). Очевидно, что такіе собесѣдники изъ язычниковъ суть не болѣе, какъ пустые резонеры, а то и просто неискренніе люди.

Искреннему же язычнику, желающему познать *истину и жить по ней*, Самъ Господь подсказываетъ перемѣну вѣры, не стѣсняя, конечно, ни его свободы, ни его мышленія. Указанія Божіи ниспосылаются инородцу или въ сновидѣніи, или же прямо на яву, причемъ всѣ эти указанія строго сообразуются съ мѣрою разумѣнія инородца. Такъ напримѣръ, одинъ язычникъ, по имени Николай [2]), долго колебавшійся на счетъ крещенія, увидѣлъ однажды во снѣ каменную весьма хорошей архитектуры, церковь, услышалъ въ ней сладостное пѣніе и звонъ колоколовъ. Подходя изъ любопытства къ сей церкви, онъ былъ встрѣченъ вышедшимъ изъ нея старцемъ въ бѣломъ священническомъ одѣяніи. Ликъ старца отличался такого же бѣлизною, какъ и одѣяніе его. Николай, введенный старцемъ въ церковь, увидѣлъ тамъ двоихъ своихъ братьевъ (изъ нихъ одинъ крещеный), которые стали уговаривать его креститься, хвалили христіанскую вѣру и говорили, что они оба крещены. Старецъ также сказалъ:

---

[1]) Полныя записки архимандрита Макарія Глухарева (рукопись), листъ 133-й. Изъ всѣхъ, прочитанныхъ нами, дневниковъ миссіонеровъ выносится такое впечатлѣніе, что одними только побѣдоносными полемическими бесѣдами съ язычниками ничего не сдѣлаешь, если инородцы внутренно, своею собственною совѣстію, не взалчатъ свѣта и не будутъ возбуждать сами въ себѣ стремленія къ свѣту,

[2]) Инородцы-язычники, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, часто и сами носятъ, и дѣтямъ своимъ даютъ христіанскія имена.

„тебѣ непремѣнно должно креститься“. Сонъ этотъ повторялся Николаю три раза; но онъ не обращалъ на него должнаго вниманія. Наконецъ, хозяинъ Николая, желая задержать у него плату за работу, самъ вырѣзалъ у себя на пасѣкѣ колоду пчелъ и сказалъ на работника. Николай былъ невиненъ; онъ сильно скорбѣлъ, и вотъ во снѣ опять видитъ прежняго старца, который, поднося къ нему большую сіяющую икону, сказалъ: „молись предъ этой иконой, ты получишь чрезъ нее заступленіе; только я тебѣ сказалъ, что ты долженъ креститься. Согласенъ-ли?“ Николай согласился съ условіемъ избавиться отъ напраслины. Старецъ опятъ повелъ его въ церковь. У дверей церковныхъ Николай видитъ своего хозяина, который тоже хотѣлъ было войти въ церковь, но двое какихъ-то черныхъ его не впустили. Чрезъ нѣсколько времени хозяинъ обличенъ былъ въ гнусномъ своемъ поступкѣ и сознался самъ. А Николай пришелъ къ миссіонеру исполнить свое обѣщаніе, данное во снѣ. Онъ былъ наставленъ въ христіанскомъ ученіи и окрещенъ [1]).

Другой язычникъ, димича Чилекей, самъ разсказалъ миссіонеру слѣдующее о причинахъ, побудившихъ его ко святому крещенію.—„Я много разъ слышалъ слово Божіе, а всетаки нà двое думалъ: креститься, или нѣтъ. Такъ прошло два года. На третій вмѣстѣ съ Толтоемъ отправились мы промышлять въ вершину рѣки Башкауса. Тамъ въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ есть мостъ, перекинутый съ одной скалы на другую. Вышина этого моста надъ уровнемъ протекающей подъ нимъ рѣчки будетъ съ высокую лиственницу. Когда мы повели коней по этому мосту, моя вьючная лошадь, немного не дойдя до конца моста, провалилась между внезапно раздвинувшимися бревнами: четыре ноги ея висѣли на воздухѣ и только бывшій на ней вьюкъ удерживалъ еще ее отъ окончательнаго паденія, гро-

---

[1]) *Записки миссіонера о. Вербицкаго за 1858 г.* Душеполезное Чтеніе за 1860 г. ч. I, стр. 244—245.

зившаго конечно смертію. Лошадь въ страхѣ не смѣла и пошевелиться и съ трепетомъ ждала своей участи. Не находя никакихъ средствъ къ ея спасенію, вспомнилъ я о Святителѣ Николаѣ и воззвалъ къ нему изъ глубины души: „святый отче Николае, въ бѣдахъ скорый помощниче всѣмъ призывающимъ тебя, выручи меня изъ настоящей бѣды, и я окрещусь!“ Не успѣлъ я проговорить это, какъ конь мой, не смотря на то, что для ногъ его не было никакой опоры, выпрыгнулъ какъ-то и очутился на камнѣ, на который однимъ концомъ своимъ упирался мостъ. Товарищъ мой, увидя это чудо, невольно воскликнулъ: „велика твоя милость, отче Николае, слава тебѣ!“ Конечно и я благодарилъ св. Николая за чудесное спасеніе своей лошади. Послѣ этого я всю дорогу передавалъ своему товарищу все слышанное много прежде о Богѣ и св. угодникахъ Его, а самъ себѣ сказалъ: „теперь я воочію увидалъ милость Божію къ себѣ, надо же окреститься“. Между тѣмъ прошелъ цѣлый годъ послѣ того, а я свое обѣщаніе и не думалъ исполнять. Но вотъ пришлось мнѣ по своей должности ѣхать въ Бійскъ съ народною податью. Благополучно сдавши деньги въ казначейство, отправился я на подводахъ назадъ домой. Доѣхалъ до станціи Камаръ. Здѣсь привезшій меня ямщикъ сдалъ меня на руки какому-то крестьянину, а самъ уѣхалъ назадъ. Говорю этому крестьянину: „поскорѣй, братъ, запрягай лошадей, мнѣ крайне ѣхать надо“.—А у тебя есть бланка? спрашиваетъ онъ меня. „Есть“ говорю. Тогда крестьянинъ, схвативши меня за горло, сталъ шарить у меня въ карманѣ, а тамъ было болѣе 150 рублей общественныхъ денегъ, оставшихся отъ взноса въ казначейство. Я не даю вынуть изъ кармана эти деньги. Но въ это время въ избу входитъ другой русскій человѣкъ и оба вмѣстѣ начинаютъ вытаскивать у меня деньги. Тутъ-то вспомнилъ я о Святителѣ Николаѣ и опять къ нему съ мольбою: „избавь меня, св. отче, отъ рукъ этихъ злодѣевъ. Если защитишь, непремѣнно ужъ теперь окрещусь“. И вдругъ откуда у меня яви-

лась сила: отбросилъ я далеко отъ себя обоихъ грабителей, выбѣжалъ на улицу и спрятался неподалеку за стоявшую толстую лиственницу. Грабители зажгли свѣчку и стали кругомъ меня искать. Вотъ ужъ подходятъ они прямо ко мнѣ. Опять я съ мольбою къ св. Николаю: „Батюшка, помоги мнѣ, затьми ихъ глаза, чтобы они не увидали меня". И, о чудо! около меня ходили они со свѣчей и не замѣтили моего здѣсь присутствія. Лишь только они удалились въ другую сторону, побѣжалъ я пѣшкомъ, не по дорогѣ, а прямо чрезъ гору, по направленію къ Чергѣ, бѣжалъ всю ночь и только на зарѣ, измученный, достигъ этой деревни. Видимо Господь, не желая погибели моей отъ діавола и рукъ злодѣевъ, явилъ мнѣ свою милость. Итакъ, я окончательно рѣшаюсь теперь креститься. Съ этимъ намѣреніемъ и пришелъ къ вамъ". Чиликей былъ окрещенъ и получилъ имя Степана [1]).

Но на нѣкоторыхъ, болѣе закоренѣлыхъ (хотя и искреннихъ), язычниковъ милости и благодѣянія Божіи не дѣйствуютъ. Имъ нуженъ болѣе чувствительный толчекъ, который подвигнулъ бы ихъ ко крещенію. Такимъ толчкомъ являются—или продолжительная болѣзнь, не поддающаяся лѣченію, или же тяжкія матеріальныя лишенія. Одинъ димича, по имени Майзамъ, здравствующій и понынѣ, разсказывалъ о себѣ слѣдующее.—„Я, говорилъ онъ, будучи сильно боленъ, видѣлъ во снѣ сіяющій крестъ Господень. Держащій его священникъ говоритъ мнѣ: „ты, если окрестишься, исцѣлишься отъ своей болѣзни". Проснувшись, я тотчасъ же почувствовалъ облегченіе въ болѣзни. О крещеніи однако я не думалъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ. На второй годъ лѣтомъ отправился я на Усть-Іолъ косить сѣно и тамъ опять захворалъ. На третій день хворости, когда заснулъ, вижу во снѣ: передо мной стоитъ образъ Божіей Матери. Во снѣ же вспомнилъ

---

[1]) Православный Благовѣстникъ за 1896 г. № 2. *Записки миссіонера о. К. Соколова.*

я про забытый обѣтъ свой креститься и проснувшись испугался. Тогда-то и рѣшился я креститься". Майзамъ, нареченный Николаемъ, послѣ своего обращенія весьма многихъ привлекъ ко крещенію, самъ научился грамотѣ и другихъ научилъ. И сейчасъ многихъ людей наставляетъ на путь истины [1]).

Особенно замѣчательный случай крещенія упорнаго язычника отмѣченъ въ лѣтописяхъ Алтайской миссіи, происшедшій 50 лѣтъ назадъ. Еще при архимандритѣ Макаріи, когда жители села Улалы начали креститься, то одинъ старецъ, нѣкто Борисъ Кочаевъ, оставался некрещенымъ. О. Макарій долго его уговаривалъ. Каждую недѣлю онъ ходилъ въ его домъ и разсказывалъ ему о Богѣ. Борисъ сталъ съ ненавистью смотрѣть на о. Макарія, когда онъ приходилъ къ нему. Однажды, когда Борисъ сидѣлъ у дверей своего дома, пришелъ къ нему о. Макарій и, сѣвши возлѣ него, по обычаю, началъ говорить ему о Богѣ: Борисъ, ненавидя его, говорилъ ему напротивъ. О. Макарій долго сидѣлъ и говорилъ съ нимъ. Не могши его убѣдить, о. Макарій сказалъ: „я тебѣ желаю добра, чтобы на твою главу низошла благодать Господня. Много разъ бесѣдовалъ я съ тобой, но ты, кажется, не желаешь сей благодати Божіей. Теперь не я, а ты будешь виноватъ. Мнѣ Богъ повелѣлъ говорить тебѣ, и я много говорилъ тебѣ о Богѣ, о Его правдѣ, о Его благости, обо всѣмъ говорилъ тебѣ. Ты говоришь: слухъ мой не принимаетъ такихъ словъ; теперь вмѣсто счастія отъ Бога придетъ къ тебѣ несчастіе, вмѣсто милости падетъ на главу твою гнѣвъ Божій". Сказавши это, онъ погладилъ его по головѣ и ушелъ. Съ тѣхъ поръ о. Макарій уже не ходилъ въ его домъ. По прошествіи мѣсяца у этого Бориса пропали изъ ящика четыреста рублей денегъ. Черезъ два мѣсяца вымеръ у него весь скотъ, а его было 110 головъ. Изъ всѣхъ лошадей остался у него чалый двухлѣтній жеребенокъ. Этотъ Борисъ Кочаевъ,

---

[1]) Тамъ же и въ томъ же №.

бывшій богачемъ, въ одинъ годъ обѣднѣлъ. Бѣгая отъ крещенія, онъ переселился въ Бачатъ. Потерявши тамъ послѣднее имущество, пріѣхалъ назадъ и поселился въ Монгойтѣ. По недостатку въ скотѣ, находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, опять перекочевалъ въ Улалу. Въ это время (1846 г.) Борису было 110 лѣтъ, а женѣ его Азлей—105 лѣтъ. И вотъ въ маѣ 1846 года представилось Борису во снѣ:—будто бы видитъ онъ внука своего новокрещенаго Константина Александрова Чевалкова, читающаго Евангеліе, котораго онъ и на яву видалъ читающимъ оное. Книга сіяла свѣтомъ несказанно сладостнымъ; и какой-то священникъ, казалось архіерей, по виду среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, въ свѣтлой одеждѣ подошелъ и сказалъ ему: „крестись, ты будешь читать лучше его"; и по его желанію тутъ же крестилъ его (только безъ воды), и надѣлъ на него круглый, свѣтлый какъ солнце, золотой крестъ. Послѣ сего онъ взялъ изъ рукъ внука книгу, которая была вся свѣтъ, и читалъ ее; а сердце его таяло отъ сладости, отъ чего онъ и проснулся.—Но ничего изъ прочитаннаго не могъ упомнить, кромѣ имени Іисуса Христа. 14 мая 1847 года Борисъ и Азлей крестились: первый названъ Василіемъ, а вторая Евдокіей. Послѣ крещенія Кочаевъ прожилъ еще 27 лѣтъ и умеръ 137 лѣтъ отъ роду [1]). Такимъ образомъ крестился упорный язычникъ, послѣ 11 лѣтняго бѣгства отъ крещенія!...

Такъ трудно язычнику рѣшиться на перемѣну вѣры, не смотря даже на явный зовъ Божій. Закоренѣлые сознаются, что даже предъ самымъ крещеніемъ они чувствуютъ сильное душевное потрясеніе при мысли, что со всѣмъ роднымъ и милымъ приходится порвать связи, вступить въ новую жизнь,—и невѣдомый страхъ за то, смогутъ-ли они, особенно въ старости, соблю-

---

[1]) Свѣдѣнія о Борисѣ Кочаевѣ см. въ „*Памятномъ завѣщаніи*" о. М. В. Чевалкова, стр. 17—18; и въ „*Прибавленіяхъ къ Твор. свв. отцевъ*", ч. V, стр. 220. 1847 г.

дать новую вѣру и привыкнуть и къ новому образу жизни, и къ новымъ, чуждымъ раньше, людямъ. У нѣкоторыхъ нервы такъ расходятся, что при крещеніи съ ними дѣлаются судороги и, случается, что, не могши выдержать нервнаго припадка, иные выпрыгиваютъ изъ купели предъ самымъ погруженіемъ. Замѣчательный разсказъ мнѣ пришлось выслушать лѣтомъ 1895 года во время поѣздки по Алтаю съ Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, епископомъ Томскимъ. 22 іюля мы прибыли въ новозаведенный миссіонерскій пунктъ на рѣкѣ Улаганѣ. Здѣсь Преосвященнаго собрались встрѣтить 150 человѣкъ новокрещеныхъ. Изъ числа собравшихся Владыка указалъ мнѣ на одного старца въ красномъ халатѣ—*Семена Öчöша*, занимающаго должность *бошко*, т. е. сборщика податей, и предложилъ выслушать исторію его крещенія. И самъ Семенъ Öчöшъ, и крестившій его миссіонеръ о. В. Тозыяковъ, бывшій вмѣстѣ съ нами, разсказали намъ слѣдующее.—Инородецъ Öчöшъ, человѣкъ зажиточный, имѣлъ двухъ женъ, и это долго удерживало его отъ принятія крещенія. Одна изъ его женъ, по имени Тапъ, была камомъ (шаманкой) и имѣла два бубна. Какъ Öчöшъ, такъ жена его Тапъ нерѣдко подвергались болѣзненнымъ припадкамъ. Послѣ долгихъ увѣщаній со стороны миссіонеровъ, онъ, наконецъ, рѣшился принять крещеніе вмѣстѣ съ женою камомъ. Обращающихся мѣстный миссіонеръ, о. В. Тозыяковъ, достаточно приготовилъ къ вѣрѣ Христовой, и уже былъ назначенъ день для совершенія надъ ними крещенія. Утромъ рано въ этотъ день о. миссіонеръ былъ разбуженъ звуками бубна, выходившими изъ юрты оглашенныхъ Öчöша и его жены. Полагая, что жена-камъ вздумала въ послѣдній разъ предъ крещеніемъ покамлать, о. миссіонеръ зашелъ въ юрту и здѣсь ему представилась слѣдующая картина. Мужъ и жена спятъ вмѣстѣ; жена держитъ въ рукахъ бубенъ и орбу (колотилку, которой ударяютъ въ бубенъ при камланьи). Орбой она проводитъ по бубну черты вдолъ и поперегъ и, къ уди-

вленію миссіонера, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходила орба, показывалась кровь. Въ это время въ юрту вошли и воспріемники готовящихся ко крещенію. Мужъ и жена оба были въ состояніи болѣзненнаго припадка. О. миссіонеръ немедленно принесъ отъ себя молитвенникъ и началъ читать положенныя молитвы, пригласивъ молиться съ собою и присутствовавшихъ. Во время чтенія молитвъ, жена-камъ поставила свой бубенъ на землю и пхнула его ногой такъ, что онъ покатился къ двери юрты, гдѣ были сложены въ кучу домашніе идолы, приготовленные къ сожженію. Бубенъ докатился до этой кучи своихъ товарищей, упалъ на нихъ и закрылъ ихъ собою. При чтеніи молитвъ, оба оглашенные подвергались сильнѣйшимъ припадкамъ. Очöпъ какъ-бы въ безпамятствѣ говорилъ: „вотъ вы погубили меня! ой, умираю!“ Онъ сжималъ рукою свою грудь, въ которой чувствовалъ такое давленіе, какъ будто кто душилъ его. По окончаніи молитвы, идолы вмѣстѣ съ бубномъ были вынесены вонъ изъ юрты и сожжены. Когда показался дымъ отъ горѣвшихъ идоловъ и бубна, съ женой-камомъ сдѣлалась кровая рвота. Замѣчательно, что когда послѣ молитвы о. миссіонеръ сталъ преподавать присутствовавшимъ обычное благословеніе, къ нему подошла и жена-камъ, поддерживаемая двумя крещеными женщинами; руки у нея были запачканы кровью. Миссіонеръ благословилъ ее и положилъ свою руку на ея руки для цѣлованія, но рука благословлявшаго нисколько не замаралась кровью отъ рукъ больной. Затѣмъ было приступлено къ совершенію таинства крещенія. Во время заклинательныхъ молитвъ оглашенная, готовая въ припадкѣ упасть на землю, была поддерживаема воспріемницею и другою женщиною; но послѣ погруженія въ спасительную воду крещенія, она навсегда освободилась отъ мучившихъ ее припадковъ и стала здоровою душею и тѣломъ. Въ крещеніи она получила имя Маріи. Точно также

избавился отъ болѣзни и Öчöтъ, нареченный въ крещеніи Семеномъ [1]).

Но вотъ бывшій язычникъ искренно крестился. Интересно узнать, какъ онъ по совѣсти чувствуетъ себя послѣ крещенія, какъ понимаетъ самое христіанство, свое отношеніе къ нему и свое мѣсто въ немъ?

На эти вопросы я получалъ самые разнообразные отвѣты: каждый оцѣнивалъ христіанство съ точки зрѣнія ближайшихъ побужденій, приведшихъ его ко крещенію. Одинъ понимаетъ христіанство, какъ силу, избавляющую отъ діавола и болѣзней и дающую здравіе тѣлесное и бодрость душевную; другой видитъ въ христіанствѣ залогъ вѣчной жизни и неизреченной радости за гробомъ; третій считаетъ христіанство службой Господу Іисусу Христу; четвертый выражается про христіанство, какъ про усыновленіе Богу:—„не хочу болѣе быть чадомъ діавола, хочу сдѣлаться чадомъ Божіимъ, и жить въ вѣчномъ свѣтѣ Божіемъ"—говорятъ такіе. Словомъ, тѣ новокрещеные, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться и говорить о христіанствѣ, понимали послѣднее не только какъ руководство къ доброй жизни, и не только какъ ученіе о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, но видѣли въ немъ нѣчто бо́льшее—именно жизненный принципъ и живую силу, которая должна овладѣть всѣмъ существомъ человѣка; считали такимъ образомъ христіанство не доктриной только, а и жизнью для Бога. Обратимся однако, для уясненія сказаннаго, къ живымъ примѣрамъ.

На той же самой рѣкѣ Улаганѣ въ аилѣ *Балыкту-Іолъ* преосвященнѣйшій Макарій познакомилъ меня съ зайсаномъ всей волости *Семеномъ Степановичемъ Чööчи*, который выдавался изъ всѣхъ своей ревностью къ хри-

---

[1]) Томскія Епархіальныя Вѣдомости за 1895 г. № 22. См. также подобные же примѣры въ „Душеполезномъ Чтеніи" за 1862 г. іюнь. *Записки миссіонера о. Смараґда*, разсказы о Казакѣ Янукинѣ и о дѣвицѣ Нѣпе.

стіанству и къ пропагандѣ его между язычниками. Мы попросили Чööчи разсказать намъ исторію его обращенія ко Христу, и услышали слѣдующее повѣствованіе.—До крещенія Чööчи былъ самъ камомъ и 12 лѣтъ страдалъ такой тяжкой болѣзнью, въ родѣ разслабленія, что не могъ даже встать. Ища врачеванія въ шаманствѣ, онъ много разъ обращался къ другимъ камамъ, раззорился на жертвоприношенія до полнаго нищенства, но все безполезно. Около того времени единоплеменные ему Чулышманскіе инородцы стали принимать св. крещеніе. У него самого бывалъ миссіонеръ о. М. Чевалковъ и не разъ говорилъ ему о вѣрѣ Христовой, убѣждая принять крещеніе. И вотъ однажды Чööчи увидѣлъ во снѣ, что о. Михаилъ, пріѣхавши къ нему, отрѣзалъ у него косу и, держа ее въ рукѣ, объѣзжалъ съ нею вокругъ его юрты и молился по алтайски въ слѣдующихъ выраженіяхъ:—

Тенереды турган јылдысты пӱдӱрген,
Іерде пӱткен чечекты пӱдӱрген,
Куюдуп аккан суды салган,
Кара агашки каир салкын тӱжӱрген,
Каир суга катту јол салган,
Іерди јел едип öрö тарткан еденӣ,
Іердинӣ ӱстӱне јамгыр едип јадырдынӣ,
Іаныс Чööчиды сурап туруп.—

— Ты, Который создалъ на небесахъ звѣзды,
Ты, Который на землѣ произвелъ цвѣты,
Ты, Который сотворилъ быстротечныя воды,
Ты, Который низводишь на хвойные лѣса бурные вѣтры,
Ты, Который для бурныхъ рѣкъ указалъ опредѣленный путь,
Ты, Который, обращая воду въ паръ, поднимаешь его на высоту,
Ты, Который низводишь на землю дождь:—
Тебя прошу я за одного этого Чööчи.

Когда Чööчи разсказалъ свой сонъ домашнимъ, высказывая при этомъ, что ему нужно креститься, то жена его, напротивъ, объяснила сонъ дѣйствіемъ злого духа, соблазняющаго его на погибель. Тѣмъ не менѣе Чööчи рѣшилъ креститься и для этого поѣхалъ въ Чулышманскій миссіонерскій пунктъ. Но такъ какъ болѣзнь не позволяла ему ни сѣсть безъ помощи другихъ на коня, и тѣмъ болѣе совершить одному довольно дальнее путешествіе (около 80 верстъ), то съ нимъ отправились три спутника. Жена оплакивала его, какъ обреченнаго на вѣрную смерть. Опираясь и поддерживаемый другими, онъ вышелъ изъ юрты и былъ посаженъ на коня. Спутники, поддерживая его съ двухъ сторонъ, поѣхали вмѣстѣ съ нимъ. Дорогой больной усердно, какъ умѣлъ, молился Господу Іисусу Христу объ исцѣленіи его отъ болѣзни. Не доѣхалъ онъ еще до мѣста, какъ молитва его уже очевидно оказала свое дѣйствіе. Почти на половинѣ пути, въ одномъ тѣсномъ ущельѣ, называемомъ Ўттў-кая (сквозная пещера), Чööчи почувствовалъ облегченіе. Послѣ ночевки здѣсь, вставши утромъ на другой день, онъ настолько поправился, что могъ одинъ сѣсть на коня и ѣхать безъ поддержки со стороны другихъ. Съ радостной и благодарной душой онъ продолжалъ свой путь, но, прибывъ въ Чулышманскій главный пунктъ, встрѣтилъ испытаніе своей вѣрѣ: мѣстнаго миссіонера не оказалось дома, онъ уѣхалъ въ Улалу. Чööчи рѣшился отправиться туда-же. Послѣ труднаго пути прибывъ благополучно въ Улалу, онъ явился сначала къ Чулышманскому миссіонеру о. М. Чевалкову, а этотъ привелъ его къ игумену Макарію (нынѣшнему Томскому Преосвященному). Получивши отъ о. игумена наставленіе и утвержденіе въ вѣрѣ, а также первое оглашеніе и нареченіе христіанскаго имени Симеона (1-го сентября), онъ началъ усердно молиться предъ иконой Св. Великомученика Пантелеимона, въ которой заключаются мощи св. Цѣлителя. Во время пребыванія Чööчи въ Улалѣ и молитвы его предъ св. иконою, на этой иконѣ однажды

показались три капли елея, которыя были собраны священнослужителемъ на вату, вручены оглашенному и до нынѣ благоговѣйно хранятся имъ у себя. Это случилось 18 лѣтъ тому назадъ. Тогда Чööчи пріобрѣлъ себѣ въ Улалѣ особую икону св. великомученика Пантелеимона и попросилъ освятить ее предъ иконою этого святого съ мощами, находящеюся въ Улалѣ. Просьба была исполнена, и св. икона была отвезена Чööчи домой и доселѣ свято чтится не только имъ и домашними, но и его сосѣдями. Оглашенный Симеонъ изъ Улалы возвратился домой некрещенымъ, намѣреваясь принять св. крещеніе у себя дома вмѣстѣ съ семействомъ своимъ. Но прошла зима, а оглашенный все такъ или иначе откладывалъ свое крещеніе, пока опять не повторилась съ нимъ прежняя болѣзнь. Тогда онъ рѣшился немедленно принять крещеніе, и это св. таинство надъ нимъ и семействомъ его совершено было о. М. Чевалковымъ. Послѣ крещенія здоровье Семена Чööчи совершенно укрѣпилось, онъ теперь вполнѣ здоровъ и всѣмъ проповѣдуетъ милость и силу Божію, явленную надъ нимъ. Раззорявшійся прежде на камланья для исцѣленія отъ болѣзни, теперь Семенъ живетъ зажиточно, имѣетъ много скота и выстроилъ себѣ приличный домъ. За честность и разсудительность онъ избранъ въ зайсаны, каковую должность проходитъ съ честію для себя и съ пользою для другихъ [1]).

А вотъ еще примѣръ пониманія христіанства. Новокрещенаго Павла Балагыса димича сталъ укорять за крещеніе, говоря: „ты ради русскаго калача крестился; ну чтожъ,—теперь сытъ, доволенъ?“ Балагысъ отвѣчалъ: „я крестился, заботясь о душѣ своей. Вотъ вы, некрещеные, напротивъ, только въ заботахъ о

[1]) Томскія Епархіальныя Вѣдомости за 1895 г. № 22. О своемъ обращеніи ко Христу Семенъ Чööчи разсказывалъ намъ вышеприведенное съ такой искренностью и съ такимъ юношескимъ увлеченіемъ, словно событіе случилось не болѣе какъ часъ тому назадъ, а не 18 лѣтъ, какъ на самомъ дѣлѣ.

чревѣ своемъ и проводите жизнь свою, о душѣ же у васъ ни малѣйшаго попеченія нѣтъ. Вы только земного, скоропреходящаго наслажденія ищете; я же небеснаго, нескончаемаго, вѣчнаго веселія ищу, потому и крестился. Если я умру, душа моя въ царствѣ Божіемъ будетъ воспѣвать, радуясь; а ты когда умрешь, твоя душа во адѣ вмѣстѣ съ дьяволомъ будетъ мучиться, плача и рыдая: посмѣшищемъ діавола будетъ. Моя душа, преданная Господу Іисусу Христу, какъ солнце просвѣтится въ треблаженномъ царствіи Его, и возрадуется; даже умершее тѣло мое при всеобщемъ воскресеніи въ послѣдній день подобно золоту заблеститъ". Послѣ этого димича Тоолты съ насмѣшкою сказалъ: „не забудь, что ты и самъ-то отъ дьявола недавно отошелъ, а теперь ужъ будто такъ и сдѣлался подобенъ Богу; вотъ, постой, я посмотрю, какъ ты на небо-то будешь восходить". На это Павелъ Балагысъ замѣтилъ: „не въ состояніи ты будешь видѣть душу мою, потому что твой глазъ ничего кромѣ дьявола и ада не будетъ видѣть".... Димича со стыдомъ удалился [1]).

Вотъ еще приходитъ къ миссіонеру и проситъ крещенія извѣстный камъ Чокъ. „Какъ же ты, спрашиваетъ его миссіонеръ, будучи важнымъ камомъ, вздумалъ креститься?" Чокъ отвѣчалъ: „у меня есть дочь Прасковья, вышедшая замужъ за Кögöртÿкскаго новокрещенаго Алексѣя. Она три года хворала; отецъ Варсонофій не могъ ее вылѣчить. Тогда я чрезъ одну знакомую мнѣ женщину сказалъ своей дочери: „когда ужъ тебя священникъ не могъ вылѣчить, такъ лучше иди ко мнѣ;—я своихъ главныхъ боговъ призову и они тебѣ живо помогутъ. Прасковья отвѣчала: „не пойду я къ тебѣ, потому что не вѣрую въ силу твоего камланья и твоихъ бѣсовъ, а буду лучше молиться объ исцѣленіи своемъ Господу Іисусу Христу". Жалѣя свою дочь, я рѣшился все-таки камлать о ней

---

[1]) Православный Благовѣстникъ за 1896 г. № 1, стр. 23.

въ отсутствіи ея, и такъ взывалъ къ своимъ богамъ: „вы, всегдашніе исполнители моихъ молитвъ, усерднѣйше молю васъ:—исполните еще одну просьбу мою! чего только захотите, то и принесу вамъ въ жертву! за душу—душу отдамъ! самого себя пожертвую вамъ! въ Кögöртýкѣ при смерти лежитъ дочь моя; подите, воздвигните ее съ одра болѣзни, облегчите ея тяжелый недугъ, продлите дни жизни ея!“ И долго взывалъ я такъ къ бѣсамъ. Бѣсы послушались, отправились въ Кögöртýкъ; но, не дойдя до Иикпаша, возвратились назадъ. Я опять началъ еще съ бóльшимъ усердіемъ камлать: „развѣ не видите, что я готовъ умереть съ печали! развѣ не чувствуете всей тяжести моей скорби! отчего же не хотите услышать гласа моленія моего! цари мои! высокочтимѣйшіе мои!“ Такъ я молился бѣсамъ. И вотъ слышу голосъ отъ нихъ: „мы не можемъ подступить къ Кögöртýку: тамъ отъ земли до неба огненный столбъ своитъ и не допускаетъ насъ; два раза пробовали подходить и не могли“. Тогда я подумалъ: „непремѣнно боятся они стоящей тамъ церкви, потому-то и возвратились назадъ отъ Иикпаша. Если же они боятся церкви, то какъ же могутъ они приблизиться къ крещеному человѣку, носящему крестъ на груди и призывающему имя Божіе?“ Такимъ образомъ, видя ничтожество дьявола предъ силою креста и обманъ бѣсовъ, затмившихъ глаза нашему брату, я плюнулъ на нихъ и рѣшился обратиться къ вѣрѣ въ истиннаго Бога“. Миссіонеръ о. М. Чевалковъ крестилъ Чока и назвалъ его Петромъ. Чрезъ годъ послѣ него крестились сыновья и многіе родственники его [1]).

Мы привели болѣе яркіе образцы пониманія христіанства алтайскими новокрещеными. Поименованные нами—суть люди, выдающіеся благочестіемъ. Испытавъ на самихъ себѣ Божественную силу христіанства, они съ рѣдкою ревностію пропагандируютъ его между язычествующими соплеменниками—и своею жизнью, и

[1]) Тамъ же № 2, стр. 78—79.

словами. Такъ напримѣръ, на Улаганѣ Семенъ Чööчи обратилъ въ христіанство болѣе 100 человѣкъ, за что получилъ благодарственную грамоту отъ покойнаго Владыки Владиміра. Димича Николай Майзамъ обучилъ грамотѣ до 100 человѣкъ, изъ коихъ многіе, познакомившись изъ книгъ съ христіанствомъ, приняли потомъ св. крещеніе. Когда въ 1895 году случилось намъ проѣзжать, вмѣстѣ съ Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, чрезъ алтайскую тайгу, по непроходимымъ топямъ,— намъ часто попадались на глаза изображенія св. креста—осмиконечное и чотвероконечное, вырѣзанныя на толстыхъ кедрахъ и соснахъ. „Кто это вырѣзывалъ?“ спросилъ я Преосвященнаго.—„Семены Чööчи, Николаи Майзамы и подобные имъ ревнители“,—отвѣтилъ онъ. У такихъ ревнителей даже вся внѣшняя домашняя обстановка носитъ на себѣ печать церковности и глубокаго проникновенія религіознымъ чувствомъ. Напримѣръ, у того же Семена Чööчи домъ раздѣляется на двѣ половины:—одна для хозяевъ и пріема постороннихъ лицъ, а другая назначена для молельни. Въ этой половинѣ, на стѣнѣ противъ входа и въ переднемъ углу разставлено много иконъ, между которыми особенно выдаются двѣ: икона знаменія Божіей Матери, около аршина высотою, и икона св. Великомученика Пантелеимона. Послѣдняя икона составляетъ предметъ великаго почтенія не только хозяевъ, но, и окрестныхъ жителей. Предъ ней обыкновенно совершаются моленія о болящихъ и по вѣрѣ подаются многія исцѣленія и притомъ даже весьма опасно больнымъ. По свидѣтельству очевидцевъ, было только два случая такихъ, что больные, по совершеніи общей молитвы предъ иконою, не выздоровѣли, а умерли. Въ 1894 году, по молитвѣ предъ этой иконою, выздоровѣлъ братъ Семена Чööчи Николай. Для молитвы о болящемъ собралось 12 человѣкъ, и въ то время, какъ совершалась эта молитва, на иконѣ св. Великомученика, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изображенъ конецъ лжицы, которую держитъ надъ ковчежцемъ св. Врачъ, показались три ка-

пли елея, подобно тому, какъ такое же чудное явленіе видѣлъ Семенъ Чööчи и въ Улалѣ, о чемъ сказано уже выше [1]).

Если теперь съ вышеозначенныхъ ревнителей перенесемъ свой взглядъ на всѣхъ вообще новокрещеныхъ, то увидимъ слѣдующее.—Вся новокрещенская паства Алтайской миссіи, численностью въ 21 тысячу съ лишнимъ человѣкъ, живущихъ въ 192 селеніяхъ, разбросанныхъ на тысячеверстномъ пространствѣ,—раздѣляется на грамотныхъ и неграмотныхъ. Благодаря дѣятельности 47 миссіонерскихъ школъ, грамотность проникла нынѣ во всѣ углы Алтая:—нѣтъ ни одного селенія, гдѣ бы не было учащихся. Въ среднемъ итогѣ 1 грамотный приходится на 19 человѣкъ неграмотныхъ; въ мѣстахъ же, давно обогрѣтыхъ миссіей, какъ напримѣръ въ Улалѣ—грамотные составляютъ $^1/_3$ населенія. Изъ числа грамотныхъ образовалась уже новокрещенская интеллигенція, состоящая: изъ инородческихъ священниковъ, діаконовъ, псаломщиковъ, учителей и толмачей. Эти люди, воспитанные въ благоговѣйно религіозномъ духѣ въ миссіонерскихъ школахъ, понимаютъ христіанство, какъ религію искупленія человѣчества Богомъ, призывающую *всѣхъ* людей быть чадами Божіими и чрезъ то объединиться всѣмъ въ духѣ братства и любви; тотъ, кто слушая, не принимаетъ этой вѣры, становится врагомъ Божіимъ и вѣчнымъ слугою діавола, съ которымъ и будетъ мучиться въ огнѣ неугасимомъ. Проникнутые такимъ убѣжденіемъ, они ревностно пропагандируютъ христіанство среди сородичей язычниковъ. Ими создана даже новокрещенская литература—увѣщательнаго и полемическаго характера. Пересмотрите отчеты и записки алтайской миссіи, и вы найдете тамъ не мало написаннаго новокрещеными инородцами. Во главѣ инородческихъ сочинителей без-

---

[1]) Томскія Епархіальныя Вѣдомости за 1895 г. № 22.

спорно стоитъ престарѣлый нынѣ миссіонеръ о. М. В. Чевалковъ, увлекательно пишущій и прозой и стихами.

Подъ воздѣйствіемъ такихъ людей неграмотные новокрещеные проникаются сознаніемъ, что христіанская вѣра есть вѣра Божія,—вѣра спасительная, за которую надо крѣпко держаться. У нихъ рождается убѣжденіе, что, кромѣ Спасителя Іисуса Христа, ихъ никто и ничто болѣе не спасетъ; что кромѣ Его, имъ не помогутъ ни камы съ камланьемъ, ни самъ Эрликъ, ни разные амулеты. „Первое, что замѣчается за всѣми новокрещеными, говорили мнѣ миссіонеры, это прекращеніе вѣры въ амулеты: послѣдніе сожигаются. Является увѣренность, что одинъ Господь Іисусъ Христосъ можетъ спасти отъ всѣхъ бѣдъ и демоновъ. Поэтому ношеніе креста на груди, огражденіе себя крестнымъ знаменіемъ, молитва дома и въ полѣ, хожденіе въ церковь, говѣніе и исповѣдь, своимъ сокрушеніемъ и искренностью удивляющая миссіонеровъ, являются насущной потребностью новокрещеныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ сами желаютъ исповѣди гласной—предъ всѣми. У нѣкоторыхъ во всю жизнь пребываетъ духъ молитвенный: — такіе не пропускаютъ ни одной службы, часто встаютъ по ночамъ и усердно кладутъ поклоны. Такіе выражаются про христіанство, что это „*наша* (новокрещенская) вѣра, данная намъ Богомъ чрезъ миссіонеровъ“. Въ долинѣ Чулышманской убѣжденіе въ спасительности Христовой вѣры породило среди новокрещеныхъ слѣдующій знаменательный обычай.—Если кому случится заболѣть, то домашніе его приглашаютъ сосѣдей помолиться о выздоровленіи болящаго; а если больной не поправляется и весьма слабъ, оповѣщаютъ жителей сосѣднихъ аиловъ. Тѣ собираются къ больному и совершаютъ о немъ молитву. Многіе, при помощи Божіей, послѣ совершенія общей молитвы, выздоравливаютъ, нерѣдко даже и такіе, которые были, повидимому, близки къ смерти [1]).

---

[1]) См. Томскія Епархіальныя Вѣдомости за 1895 г. № 22, стр. 15.

Бывали и есть между новокрещеными и люди прямо *аскетической* жизни, преимущественно изъ среды стариковъ. Принятіе для этой цѣли монашества было не въ обычаѣ:—за все время 68 лѣтняго существованія миссіи только двое изъ инородцевъ приняли схиму:—это іеромонахъ Чулышманскаго монастыря Германъ и нынѣшняя казначея Улалинскаго женскаго монастыря монахиня Магдалина (дочь о. М. Чевалкова). Обыкновенно же аскеты жили въ селеніяхъ, или около своихъ родственниковъ. Поучительны и трогательны нѣсколько примѣровъ, разсказанныхъ мнѣ лично о. М. Чевалковымъ въ 1895 году.

Вотъ старецъ Петръ Ўлўштей, постоянно молившійся молитвами своего сочиненія. Какъ бы случайно судьба столкнула его, дряхлаго язычника, въ 1851 году съ М. В. Чевалковымъ, тогда еще свѣтскимъ. Убѣжденный послѣднимъ, Ўлўштей искренно обратился ко Христу [1]). Послѣ крещенія онъ предался постоянной молитвѣ и говорилъ о себѣ: „у меня теперь только и работы, что молиться". Не могши по старости лѣтъ заучить ни одной церковной молитвы, онъ изливалъ изъ сердца слѣдующія трогательныя моленія.

Молитва Іисусу Христу.

Э, Іисус Христос, ончо не бардыҥ Кудаи,
Мен кулунгды таштабагын,
Ölгўнче сени унутпасым,
Маа біянду болгын,
Тынымды азаданг курулап тургун,
Колтугунла кастап чеберлеб тургун,
Сеніҥ яган кулунг мен,
Кулунгды азаданг коруп тургун.—

---

[1]) Очень подробно и назидательно обращеніе Ўлўштея ко Христу описано о. М. В. Чевалковымъ въ его „Памятномъ завѣщаніи", страницы 32—35. Москва. 1894 г.

Іисусе Христе, Боже всего сущаго!
Не оставь меня, раба Твоего,
Не забуду Тебя до смерти моей,
Будь милостивъ мнѣ,
Ограждай душу мою отъ діавола,
Сохраняй ее подъ мышцею Твоею (букв. поджавъ подъ мышками),
Я Твое созданіе и рабъ Твой,
Ограждай раба Твоего отъ діавола!

Молитва Пресвятой Богородицѣ.

Э. Кутайдыҥ агару Энези, уулыҥнаҥ,
Кутайдыҥ ярык алынган боиҥ,
Мені ярыгынаҥ куру салбагын,
Сен тезе анчо элдыҥ Энези болгонзын,
Мен балаҥгды таштабагын.

Святая Матерь Божія! отъ Сына Твоего
Ты воспріяла божественный свѣтъ;
Не лиши меня Твоего свѣта,
Ибо Ты Матерь всего міра,
Не оставь меня—дитя Твое!

Такими молитвами Петръ молился до того усердно, что миссіонеръ — протоіерей Ландышевъ замѣтилъ о немъ: „его нéчего намъ учить, — Самъ Богъ, видимо, его учитъ“.

Вотъ инородецъ Никита Ѳедоровичъ Чевалковъ, крещеный 25 лѣтъ о. архимандритомъ Макаріемъ. Скончался онъ въ 1888 году, имѣя отъ роду болѣе 90 лѣтъ. Былъ грамотенъ, постоянно молился и носилъ съ собою, не выпуская изъ рукъ, то молитвенникъ, то евангеліе, то житія святыхъ. Особенно зачитывался, находясь на своей пасѣкѣ. Былъ очень внимателенъ и памятливъ, и постоянно предавалъ новокрещенымъ содержаніе прочитаннаго въ церкви — или евангелія, или библейскихъ ветхозавѣтныхъ повѣствованій. Всегда первымъ являлся къ службѣ, раздавалъ милостыню и помогалъ нуждающимся.

Вотъ благоговѣйная вдова Анна Тюдюнюкова, благодѣтельница миссіи. Объ этой вдовѣ въ 1860 году Томскій преосвященный Парѳеній сообщилъ слѣдующее и. д. оберъ-прокурора св. Сѵнода князю Урусову. „Вдова Анна Тюдюнюкова извѣстна мнѣ съ 1855 года, какъ первая изъ всего Алтая и Бійскаго округа благодѣтельница миссіи. Еще при жизни мужа ея Павла, между обоими супругами положено было, чтобы оставшійся послѣ смерти другого роздалъ имѣніе по церквамъ, оставивъ у себя самое нужное. Господу угодно было взять къ Себѣ сначала мужа, и не простою смертію, а страдальческою: мужъ Анны былъ убитъ некрещеными татарами. Послѣ смерти мужа, родственникъ его Курманка, некрещеный татаринъ, бывшій у меня толмачемъ, по назначенію зайсана Корту распорядился отобраніемъ у вдовы всего ея имѣнія, не исключая св. иконъ въ окладахъ, а ее хотѣлъ, по обычаю языческому, отдать въ замужество. Вдова принесла жалобу въ судъ:—какъ ни трудно было вдовѣ, по отобраніи у нея имѣнія, судиться съ явнымъ грабителемъ, но правда восторжествовала: — вдова возвратила имѣніе, обѣщанное на церкви, хотя и не полностью. Въ это время настояла крайняя нужда основать новый миссіонерскій станъ на р. Ануѣ, въ предѣлахъ служенія іеромонаха Акакія (въ 1849 году). Іеромонахъ Акакій, не имѣя никакихъ средствъ къ новому заведенію стана, обратился ко вдовѣ Тюдюнюковой, чтобы она, вмѣсто отдачи имѣнія на церкви, пожертвовала оное на устроеніе миссіонерскаго стана, гдѣ будетъ построена миссіонерская церковь. Тюдюнюкова согласилась съ охотою на предложеніе, и сама приняла на себя многія заботы по устроенію миссіонерскаго заведенія на р. Ануѣ. Но поелику Тюдюнюкова желала оставаться на прежнемъ мѣстѣ жительства, гдѣ были и ея родные,— на рѣкѣ Песчаной, верстахъ въ 35 отъ Ануйскаго стана; то она выпросила позволеніе устроить и на рѣкѣ Песчаной небольшое заведеніе съ миссіонерскимъ храмомъ. Мѣсто это.... было очень способное къ значительному

заселенію новокрещеныхъ. Кромѣ этого, Тюдюнюкова весьма много способствовала іеромонаху Акакію въ убѣжденіи своихъ родственниковъ относительно принятія крещенія; и при крещеніи женщинъ оказывала свое служеніе, вслѣдствіе чего ѣздила съ іеромонахомъ Акакіемъ и причетникомъ по дѣламъ крещенія и устроенія стана. Но по устроеніи становъ болѣе трехъ лѣтъ живетъ уединенно. Это-то отношеніе іеромонаха Акакія къ Тюдюнюковой заграбившими имѣніе и обращено въ посрамленіе. Но не упоминаю объ этомъ іеромонахѣ Акакіѣ, какъ монахѣ строгой жизни;—сама Тюдюнюкова еще въ 1855 году просила меня о помѣщеніи ея въ монастырь женскій, что̀ ей и обѣщано, если Господь благословитъ устроитъ монастырь въ г. Томскѣ" [1]).

Вотъ еще 95-лѣтній старецъ на Чулышманской долинѣ. Онъ самъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее миссіонеру: „я былъ камъ; у здѣшнихъ на славѣ и приносилъ жертвы Ульгеню и Эрлику, какъ нынѣшніе камы; но отъ камланья не видѣлъ никакой пользы. Дивлюсь, почему нынѣшніе камы не бросаютъ своего камланья и не крестятся?"—„А какую молитву ты читаешь, когда молишься Богу"? спросилъ миссіонеръ. Старикъ отвѣчалъ: „я человѣкъ старый, не могу выучить молитвы, какъ вы читаете, а читаю молитвы, какъ могу". — „Прочитай, какъ можешь". Старикъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, прочиталъ слѣдующую молитву:—

Кӧк јылымдый тенерени яяган,
Кӧс чактыгар јылдыстарды яяган Христос Кудаим!
Ар яманнай мени аргала,

[1]) Дѣло Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода за 1860 г. № 1. Письмо преосв. Парѳенія къ князю Урусову отъ 9 сентября 1860 г. О Тюдюнюковой см. еще въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. отцевъ" за 1856 г, ч. XV, стр. 682—684.

Ак біяныń бер
Албатынды аргалан турган сен едеń,
Ач ўренимди, аар јуртымды аргала, кайрыла.—

Ты, Который создалъ мозговидное синее небо,
Ты, Который создалъ, какъ очи, блистающія звѣзды,
о Христе Боже мой!
Избавь меня отъ всякаго зла,
Даруй мнѣ святую милость Твою,
Ты Спаситель народа Своего,
Спаси и помилуй родъ мой и жилище мое!

Такъ я молюсь, заключилъ старикъ, какъ на умъ придетъ, такъ и благословляю Бога" [1]).

Представленная картина религіозной жизни новокрещеныхъ наводитъ на утѣшительныя мысли относительно укрѣпленія христіанства на Алтаѣ. Но цѣною какихъ трудовъ и страданій достигнуто это охристіаненіе инородцевъ?!.—Во время поѣздки по Алтаю въ 1895 году, случилось мнѣ быть 16 іюля въ новокрещеномъ селѣ Паспаулѣ. Зная изъ исторіи миссіи, что это селеніе основано было протоіереемъ С. Ландышевымъ въ 1858 году изъ отбросовъ алтайскаго населенія,—я пріятно былъ пораженъ, когда нашелъ въ селѣ церковь, школу, сельское правленіе, ямскихъ лошадей, 40 дворовъ съ домами хорошей постройки, съ населеніемъ до 400 душъ обоего пола, огороды съ капустой, картофелемъ и огурцами, посѣвы хлѣба, а у нѣкоторыхъ и пасѣки съ пчелами. Само населеніе очень религіозно:—всѣ знаютъ молитвы, въ церкви хоръ школьниковъ стройно пѣлъ по алтайски. Зная изъ литературы и изъ своихъ наблюденій, какъ все это трудно дается дикимъ звѣроловамъ и кочевникамъ,—я спросилъ Преосвященнаго Макарія:—„чего

---

[1]) Отчетъ объ Алтайской духовной миссіи за 1887 г. приложеніе 5-е, стр. 15—16.

миссіи стоило перерождить это населеніе?"—„Не малыхъ слезъ и болѣзней"—отвѣчалъ онъ и, затѣмъ, продолжалъ:—„теперешнее состояніе новокрещеныхъ несравнимо съ прежнимъ.—Когда основывался Паспаулъ, то первые обитатели его были всѣ воры:—крали другъ у друга и, случалось, даже у миссіонеровъ. Когда кто-либо изъ миссіи пріѣзжалъ къ нимъ съ проповѣдью или съ требой, то они всячески старались поскорѣе отъ него отдѣлаться, а то и прямо разбѣгались. Подобные примѣры бывали впрочемъ и въ другихъ новоосновываемыхъ миссіонерскихъ селеніяхъ. Однажды мнѣ пришлось вмѣстѣ съ маленькимъ мальчикомъ ѣхать зимой въ Ташту наставлять новообратившихся. Поднялся страшный буранъ, мы кое-какъ доплелись. Видимъ—стоитъ нѣсколько юртъ нашихъ новообращенныхъ; сталъ я приглашать ихъ собраться въ одну юрту,—не идутъ; пришлось самому ходить по юртамъ.—Наконецъ, собрались—унылые, на лицахъ всѣхъ такъ и написано, что пріѣхали къ нимъ люди чужіе и они сами связались съ чужой вѣрой. Сталъ я читать акаѳистъ:—чувствую, что бью лишь воздухъ, что меня никто не понимаетъ, что всѣ страшно тяготятся мною и обязанностью, какую я на нихъ налагаю.—А иногда случалось, лишь только пріѣдешь въ аилъ новокрещеныхъ, какъ они начнутъ собираться—кто на охоту, а кто за дровами; а иногда и просто разбѣгутся. Сама миссія съ новокрещеными представлялась тогда очень жалкою. Въ язычествѣ оставались:—зайсаны, сила, богатство, власть. У миссіи же были:—больные, калѣки, раззорившіеся, которыхъ самой миссіи приходилось кормить и одѣвать. Чтобы и эти не разбрелись, приходилось ихъ собирать въ селенія, ходатайствовать за нихъ, ставить собственной волей надъ ними старшинъ..... Нынѣ не то;—теперь сами новокрещеные сбѣгаются къ миссіонерамъ, какъ дѣти къ отцу"....

Дѣйствительно, крайне тяжело невѣжественному неофиту отвыкать отъ нажитыхъ языческихъ привычекъ. Все подчиняется закону постепенности, и никто изъ

язычниковъ не становится сразу праведнымъ. „Въ какіе грѣхи впадаютъ новокрещеные“?—спрашивалъ я у миссіонеровъ, и мнѣ отвѣчали: „въ пьянство и блудъ, а иногда и въ яденіе идоложертвеннаго“, т. е. въ то самое, что̀ въ язычествѣ является дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. „Всякій новичокъ, говорили мнѣ, ставитъ свою юрту на самомъ концѣ селенія и такъ и глядитъ въ завѣтный лѣсъ“:—тамъ гдѣ-нибудь подъ развѣсистымъ кедромъ варится въ котлахъ пѣнящееся конское мясо, бѣснуется около нихъ шаманъ съ бубномъ, а въ юртѣ заготовлены огромные туясы съ кумысомъ, аракой и брагой.—По окончаніи камланія, три дня будетъ продолжаться настоящая вакханалія съ объяденіемъ и перепоемъ..... Какъ все это манитъ и тѣшитъ чувственность.....

Трудна борьба, но сѣмя Божіе, посѣянное миссіонеромъ, постепенно ростетъ; правда, временами оно глушится терніемъ, но въ концѣ истребляетъ терніе и приноситъ плодъ праведности, сообразно съ нравственными усиліями каждаго....

Исторія воздастъ должное заслугамъ алтайскихъ миссіонеровъ; потомки просвѣщенныхъ добромъ будутъ вспоминать и молиться за смиренныхъ благовѣстниковъ, а красующіеся уже нынѣ на Алтаѣ 55 церквей и молитвенныхъ домовъ и множество крестовъ на горахъ утѣшительно вѣщаютъ:—

— Гдѣ, смѣясь креста святынѣ,
Еще владѣли духи мглы,—
Тамъ церкви Божіи, тамъ нынѣ
Поются Господу хвалы!...

И. Ястребовъ.

18 октября 1898 г.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Правосл. Собесѣдникъ» за 1899 годъ.

Казань. Въ Типографіи Университета. 1899 г.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

10242/49

нет

49

hen